

Недаром славят
каждый род
Смертельно
оскорбленный гений,
А. БЛОК

ЗАРАНЕЕ сообщают, что
иные высказывания не
дословны. Все 30 лет
своей более или менее
сознательной жизни я
постоянно читал всего
Блока и все о Блоке, доступное
мне. Поэтому эти заметки —
только личное впечатление и не-
сколько личных выводов, не
больше.

«Ты всему и всем нам изме-
нил», — информировал талантлив-
ейший Андрей Белый, «Милый
Боря», крупнейшего русского
поэта Александра Блока. Строч-
ку из «Балаганчика» («я истекаю
клюквенным соком») он, естест-
венно, как эгоцентрик, принял
на собственный счет. Обвиняя
Блока, Борис Николаевич Буга-
ев-Белый как бы забывал, что он
при поддержке «общего друга»
Сергея Соловьева тогда же пря-
миком врезался в интимнейшую
сторону жизни Блока, был лич-
но кругом перед ним виноват,
однако виноватил его.

Блок, поспокваивая на коне, ес-
тественно, видел все, что проис-
ходило перед его глазами. Но
он находился в состоянии первой
молодости, идеализированной
мыслью о том, что нельзя
менять хода событий, поскольку
они предначертаны. В дальне-
йшем он резко изменит эту из-
лишне романтическую мысль.
Хотя романтиком как был, так и
останется до своей последней
минуты. Терпеливый Блок, дове-
денный до полнейшего недовер-
ия, связанного с «Балаганчи-
ком» и «со сплетническими на-
меками... на интимную жизнь»,
решил с этим смутным делом
покончить. Смутным-то смут-
ным, однако ему как писателю,
идеологу и супругу совершенно
ясным. Он совершил поступок.
Он просто вызвал на смертель-
ную дворянскую дуэль на писто-
летах «Милого Борю», Бориса
Николаевича Бугаева — Андрея
Белого.

Здесь решался не просто лич-
ный вопрос, здесь решался во-
прос о том «Балаганчике», в ко-
торый катастрофически превра-
щались русский символизм после
первого же года первой русской
революции.

Стрелком Блок был отменным.
Их уговорили. Бугаев-Белый
сдался. Но не навсегда. «Друж-
ба-вражда» продолжалась и да-
лее. Их разделили не только
1905-й и 1906-й, их категориче-
ски разделило отношение к са-
мой жизни, а не к символам.
«Балаганчик» сыграл огромную
роль в становлении Блока как
совершенно нового поэта, реали-
ста-романтика в среде символис-
тов. Они, естественно, были ос-
корблены в «лучших чувствах».

Они могли и хотели воспри-
нимать Александра Блока как
своего. Как ангела, ходящего в
их компании по земле, пусть не-
сколько падшего, но ангела.
«Клюквенный сок» «Балаган-
чика» их круто остановил. Хотя
преклонение и продолжалось и
будет продолжаться до его по-
следних дней, когда будет заяв-
лено, что он изменил не только
символизму, но и родине.

Но ведь до этого, помимо га-
низальной лирики и «Пляс Кули-
кова», была абсолютно уникаль-
ная поэма «Соловьиный сад».

В советской критике существ-
ует такой термин — «тема тру-
да». Так вот, эта самая тема
труда совершенно неожиданно
возникла и утвердилась в чисто-
символистской поэме Александра
Блока «Соловьиный сад».

Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илестом дне,
И таскает осел мой усталый
Их нусии на мохнатой спине.

Донесам до железной дороги,
Сложив в кучу, —
И в морю опять
Нас ведут волосатые ноги
И осел начинает кричать.

И ирничит и трубит он, —
Что идет налегло отрадно,
хоть назад...

В ноябре нынешнего
года исполняется 100
лет со дня рождения
великого русского по-
эта Александра Алек-
сандровича Блока. На-
ша страна готовится
широко и торжествен-
но отметить вековой
юбилей выдающегося
сына России.
«Литературная Рос-
сия» вводит специаль-
ную рубрику, посвя-
щенную этой памятной
дате, которая включе-
на в международный
календарь ЮНЕСКО
«Празднование вели-
ких годовщин и исто-
рических событий».
Открывает «Блоков-
ские чтения» поэт Вла-
димир Соколов.

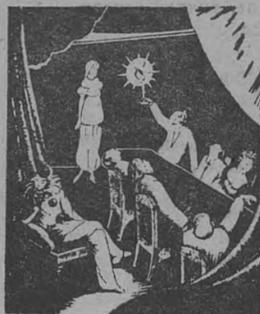

Владимир
СОКОЛОВ

« И С МИРОМ

УТВЕРДИЛАСЬ СВЯЗЬ »

(От «Балаганчика» через «Соловьиный сад» — к «Двенадцати»)

Драма «Балаганчик». Авто-
литография Н. ДМИТРЕВ-
СКОГО.

Поэма «Соловьиный сад».
Гравюра А. АПИНИСА.

Поэма «Двенадцать». Гра-
вюры М. КАРПЕНКО и В. МА-
СЮТИНА.

Это что же, привычный сим-
волизм или какой-нибудь там
«мистический анархизм»? Нет,
реализм, теснейше соседствующий
с прекрасной русской роман-
тикой.

А у самой дороги —
прохладный
И тенистый раскинулся сад.

По ограде высокой и длинной
Лишних роз
И нам свисают цветы,

К кому это «к нам свисают»
у столь одинокого символиста?
И вообще, как это «к нам» мо-
гло возникнуть? Ведь известно,
что Блок ни слова не говорил
попусту.

Быть может —
...не мое, а наше,
И с миром
утвердилась связь...

Действительно, «Соловьиный
сад» (может быть, из-за назва-
ния?) устоялся во впечатлении
множества читателей лишь как
некая эфемера, отрыв от жизни,
а не просто сад, где поют со-
ловьи.

Это героическое произведе-
ние, где Блок беспощадно и кра-
сиво расквитался с обольщения-
ми своей первой молодости, так

и останется в дальнейшем одной
из лучших русских классических
поэм. Лишние розы свисают
из-за ограды... — как это кра-
сиво и точно!

Недаром равново обозленный
Бугаев-Белый, желая досадить
поэту, писал, что Блок не сим-
волист, а реалист. Он, дескать,
может так описать крендель бу-
лочной, что волосы дыбом вста-

Александр Александрович Блок.

Мы встретились с тобой
в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворами
Пошли и проклятью и труду.
Блок в «Соловьином саде»
писал:

Чундый край
незнакомаго счастья
Мне открыли объятия те,
И звенели, спадая, запястья
Громче,
чем в моей нищей мечте,

Конечно же, прийти к мысли
о том, что любая «мечта» ни-
щенствует перед живой действи-
тельностью, было нелегко. Чело-
век, уже многое переживший в
своей якобы «небогатой внешне-
ми событиями» жизни, продол-
жил эти строки так:

Опьяненный
вином золотистым,
Золотым опаленный огнем,
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном своем.

Так впервые в настоящей сти-
хотворной символистской прак-
тике появилось верное слово
товарищ. Никто в те годы, да,
может быть, и в последующие,
за исключением Маяковского,
не написал столь искренно и
мощно о тяге к труду, как к со-
вести.

Не забывай он о «товарище
бедном своем».

Где же дом? —
И скользкая ногою
Спотынаюсь
о брошенный лом,
Тяжкий, ржавый,
под черной скалою
Затянувшийся
мокрым песком...
Размахнувшись
движеньем знакомым
(Или все еще это во сне!),
Я ударил
заржавленным ломом
По слоистому камню
на дне...

Так ударить «заржавленным
ломом» можно было не «во сне»,
а только в действительности.
Блок поэмой «Соловьиный сад»,
как почти за двадцать лет до
него А. П. Чехов своей пьесой
«Чайка», показал своим попут-
чикам, что реальная действитель-
ность, если к ней приглядеться,
не только вернее «сна», но и
красивее.

А с тропинки,
протопанной мною,
Там, где хихина
прежде была,
Стал спускаться
рабочий с кирною,
Погоняя чужого осла.

Здесь уже в нескольких строч-
ках громадная протяженность в
будущее. И невозможно не ска-
зать, что «тропинка», протопан-
ная якобы отрешенным от жиз-
ни Блоком, вывела русскую по-
эзию к новейшим и необходимей-
шим темам.

Ему и этого не простили.
А кто не простил? Да и нуж-
дался ли великий русский поэт
в этом лирическом прощании?
Его предали. Как и Россию в
целом.

Красивый был человек. «Чело-
век — это будущее», — писал
он.

Однако люди, «не простившие
Блоку», мало интересны для
нас. Блок остался со своей ро-
диной и со всеми ее достиже-
ниями и мучениями. Он, конеч-
но, мог уехать и потом, как Ма-
режковские, рассказывать о сво-
ем выезде с подробностями.

Все подробности последних
двух лет так и остались у вер-
ного сына России в его боль-
шой душе. Он скончался чрез-
вычайно рано. Но прежде того
он написал поэму «Двенадцать»,
которой заложил основу всей
последующей советской поэзии.

Поэма «Двенадцать» была как
переворот.
Ведь когда Маяковский на-
писал три слова — «Умер Алек-
сандр Блок», — он уже отлич-
но понимал, какая тяжесть сва-
ливается на плечи русской поэ-
зии.

Интимный лирик-символист
писал:
Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

Или — «У ей керенки есть
в чулке!»

Подумайте, это Александр
Блок написал о керенках, кото-
рые в чулке у «Катки-дурры».
А где же «Соловьиный сад»? Да

«Стрелка Васильев-
ского острова». Гравюра
А. ОСТРОУМОВОЙ-ЛЕ-
БЕДЕВОЙ.

вот он, «Соловьиный сад» —
петроградские улицы в дни пе-
реворота.

...Електрический фонарик
На оглобелях...

Перед тем, как перейти к
«Двенадцати», я несколько совме-
щаю времена и периоды; в
«Двенадцати» они совместились
сами по себе. И совместились
гениально.

У Маяковского, который иначе,
чем в стихах, не мог отчетливо
самовыражаться, в поэме «Хо-
рошо!» было написано о солдате,
который согрел руки ночью
над уличным костром:

Я узнал,
удивился, сказал:
«Здравствуйте,
Александр Блок...»

А перед этим было сказано,
что огонь «на клоп волос лег».
Опять-таки огонь. Маяковский
был, видимо, неправ, когда после
«Здравствуйте!» писал:

Кругом тонула
Россия Блока...
Незнакомки,
дымни севера
шли
на дно,
как идут
обломки
и жестянки
консервов.

Гений в данном случае оказал-
ся неправ. «Россия Блока» не
утонула, и «жестянки консервов»
тут вовсе ни при чем. Блок умер
у себя на родине от тяжелой
болезни. И жестянки консервов
здесь вовсе не к делу упомяну-
ты. А вот относительно солдата,
который грел руки над уличным
огнем, — правда.

Блок действительно принял
революцию всем сердцем и всею
душой. Обратимся к «Двенадца-
ти».

Может быть, самые важные в
этой поэме строчки — самые не-
заметные и незаметные:

— Не таню нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжелее будет время
Нам, товарищ дорогой!

Ведь строчки, вроде «запирай-
те етажи...» составляют лишь
так называемый «колёр локаль»
(местный колорит), а не основ-
ную стремительную идею поэмы.
Не такое нынче время, чтобы
нянчиться с собой, мог бы от-
крыто сказать автор «Двенадца-
ти». Да и сказал, пусть прикры-
то.

Резко изменилась лексика.

Поэт, чтобы понять и сообщ-
ить, что происходит, заговорил
на языке улицы. На языке, под-
готовленном всем его личным
общением с людьми младшего (в
дальнейшем оказавшимся дре-
нейшим и серьезным) класса. Пи-
терская окраина состояла в ос-
новном из крестьянства. Блок
был ближе Петька, который, це-
лясь в Ваньку, в Катку попал:
«Лежи ты, падала, на снегу!» —
эти наварид произнесенные сло-
ва не что иное, как классиче-
ская оборотная сторона класси-
ческой лирики Блока, вместе со
снегом.

Он голову вснидывает,
Он опять повеселел...

Надолго ли?
Ты лети, буржуй,
воробышном!
Выпыню ировушну
За забобушну,
Чернобровушну...

Конечно же, можно подумать,
что для Петьки вся революция не
стала одной Каткиной головы.
Так, между прочим, кое-кто и
подумал еще тогда, сосвежу. Од-
нако слова —

Товарищ! Гляди
В оба!

— были основополагающим ут-
верждением человека и поэта,
глубоко неравнодушного к ис-
ходному моменту окончательной
русской революции — Октябрю.

В те дни Валерий Брюсов
еще не был членом партии, и еще
последуют 16 лет до того дня,
как в почтительном некрологе
газета «Известия» скажет, что
Андрей Белый внес большой
вклад в советскую культуру. В

поэме, написанной в январе
1918 года, Блок уже сказал
то, что и должен был ска-
зать по совести великий русский
поэт... Поэма «Двенадцать», по-
вторю, была сама по себе тоже
как переворот. Не была бы столь
блестящею поэма Владимира
Маяковского «Хорошо!» без
«Двенадцати» Блока. Да и само
по себе выражение «хорошо!»
принадлежит, по зафиксирован-
ному тексту самого Маяковско-
го, именно Александру Александр-
овичу.

Но было бы совершенно не-
справедливым, если бы мы оста-
вили без внимания две послед-
ние главы поэмы «Двенадцать» —
одиннадцатую и двенадцатую.

...И идут без имени святого
Все двенадцать — вдали.

Я попытаюсь объяснить завер-
шающие строки поэмы.

В 11-й главе сказано: «...И
идут без имени святого...»
В этом вся трудность легчай-
шего объяснения. Ленин для
Блока, при всем его сочувствии
практическому большевизму, свя-
тым не был. И Луначарский наив-
но и напрасно через несколько
лет упрекал уже покойного по-
эта в том, что у него в послед-
ней строчке поэмы стоял не
Ленин, а Иисус Христос.

И действительно, в двух та-
лантливых произведениях, в
«Товарище» Сергея Есенина и
в «Христос воскрес» Андрея Бе-
лого, написанных после «Двена-
дцати» Блока, было уловлено
христианское оправдание вели-
кой Революции.

Было б совершенно несправед-
ливо по отношению к последне-
му великому русскому поэту де-
вятнадцатого века, столь смело
и решительно, я бы даже сказал
— глубоко и далеко заступивше-
му в век двадцатый, Александру
Александровичу Блоку, не объяс-
нить, почему в последней строч-
ке героических «Двенадцати» по-
мянут Иисус Христос. Да просто
в силу его времени и воспита-
ния, для оправдания или освяще-
ния у него другого имени не бы-
ло и быть не могло.

Ну кто же еще в русской поэ-
зии в январе 1918 года так точ-
но в лирической поэме опреде-
лил — «...Вдали идут держав-
ным шагом...»!

Он уже тогда увидел ту Дер-
жаву, которая предстояла наро-
ду и народам России. Со всем
мужеством и со всей верностью.

Но уж коль со всей верностью
— Александр Блок как русский
писатель исключительной прав-
дивости просто не мог не напи-
сать последних строк, которые,
как мне представляется, в 1980
году разъяснены уже достаточно
ясно:

— Кто там машет
красным флагом?
— Приглядись-ка, зна тьма!
— Кто там ходит
белым шагом,
Хоронись за все дома?

— Все равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!
— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Так впервые по необходимости
Иисус Христос был назван то-
варичем.

Трах-тах-тах!
Трах-тах-тах...

...Так идут
державным шагом —
Позади — голодный пес,
Впереди —

с кровавым флагом,
И за выюгой невидим,
И от пули (обратите вни-
мание! — В. С.)

Нежной поступью
надвьюжной,
Снежной
россыпью немужичью,
В белом венчике
из роз —

Иисус Христос.

Следует отметить, что на ду-
ше Александра Блока лежали не
просто снега революционного
года и Иисус Христос, когда он
заканчивал великую поэму, а,
может быть, да и скорее всего —
все эти двенадцать серьезных
человек.